

УЗНАВ, ЧТО телефонный звонок — из Ленинграда, Галина Сергеевна вздохнула:

— Пройтись бы сейчас по набережной Невы... Поклониться от меня моему городу...

В книге «Весь Петербург» за 1915 год я нашел: «Уланов Сергей Николаевич. Прядильная улица, 35». Сейчас эта улица носит имя Лабутиной. Она тянется от Лермонтовского проспекта к Калинкину переулку. В общем, район старой Коломны. Типичный доходный дом в пять этажей, каких немало было в Петербурге, двор-колодец...

До Маринского театра отсюда можно было дойти минут за двадцать. Когда Галие исполнилось четыре года, отец, артист балета, привел дочку на «Сияющую красавицу». При появлении на сцене фен Сирени девочка закричала на весь зал: «Смотрите, это моя мама!». Спустя годы мама, Мария Федоровна Романова, стала замечательным педагогом, у которой учились многие будущие звезды балета, в том числе собственная дочь и ее лучшая подруга Татьяна Вечеслова.

Слушаю Татьяну Михайловну, которая вспоминает их первую встречу:

— Нам было тогда по пять лет...

Наша семья выехала на лето в деревню Лог, у станции Струги Белые — это недалеко от Луги. И вот как-то утром мама говорит: «Пойдем, я тебя с кем-то познакомлю».

Заходим в соседний двор: там вертится малчик моих лет в коротеньких штанышках, наголо остиженный. «Ну вот, знакомьтесь», — сказала мама.

«Я — Галия», — буркнул малчик.

«А я — девочка Таня, — немного подивившись на такое немальчишеское имя, ответила я.

Давай лепить песочные пирожные». Но Галия с презрением заявила, что играет «только в индейцев» и, схватив лук и стрелы, помчалась к озеру...

В следующий раз мы встретились лишь через три года, когда нас впервые привели в хореографическое училище: хрупкая беленькая девочка с челкой и большим бантом на голове в отличие от меня была принята без всяких оговорок...».

...

А ведь о балете девочка во все не мечтала... В ту трудную послереволюционную пору Галины родители обычно не только участвовали в спектаклях, но и вместе с другими коллегами выступали в кинотеатрах — перед началом сеансов, по три раза за вечер. Дома смотреть за девочкой было некому, и ее брали на эти выступления. Она видела, как в маленькой каморке за экраном, скинув волнишки, мама онемевшим от холода руками завязывала розовые атласные тесемки балетных туфель, как, оправляя тарлатановую пачку, с улыбкой выходила на эстраду. Но эта улыбка обмануть дочку не могла — она знала: мама очень утомлена, и танцевать ей мучительно трудно... Домой возвращались пешком: трамваи не ходили. А дома Марии Федоровну опять ждала работа, и, просыпаясь среди ночи, Галия видела: мама стирает или развешивает белье, или шьет, или штопает... Отдыхает ли она вообще хоть когда-нибудь? Спит ли хоть немножко? Да что это за жизнь такая у актеров... Поэтому, когда дочек сказали: «Ты будешь учиться танцевать», она закричала: «Не хочу!».

Однако родители настояли на своем...

В знаменитом здании на улице Зодчего Росси мне показали помещения, связанные с ее именем: здесь был класс,

здесь — спальня, на этой ма-

ленькой сцене танцевали Фокин, Карасавина, Павлова, Ни-

жинский, Уланова... Из воспо-

миний балерины: «Мы замерзли в холодных классах и

спальнях, недоедали, питаясь

в более чем скромно слабакой

столовой, часто хворали

или плохо себя чувствовали...».

По собственному признанию Галины Сергеевны, она рано поняла, что жизнь балерины состоит на одну половину из слова «должна», а на другую — из слова «нельзя».

Бывало, — рассказывает Вечеслова, — все движения танца уже выучены, хочется скорее закончить репетицию, убежать из класса, а Галия с нахмуренным лицом все что-то повторяет, пробует... Кстати, скидок по отношению к своей дочери Мария Федоровна не делала никогда. Наборот, почти не хвалила, и это вовсе не выглядело нарочитым. Просто к Галие относились требовательнее, чем к другим... Постепенно нас стали занимать в спектаклях театра. Например, в «Тщетной предосторожности» я с Галей танцевала «саботье», а в «Баядерке» — «ману» (танец с кувшином). Название «саботье» происходит от французского слова «сабо» — деревянный башмачок. Исполняли этот номер девочка и мальчик. Галия была «мальчиком». Когда танец заканчивался, она с галантностью кавалера брала меня за руку и, выбегая на сцену, широким жестом выбрасывала вперед, сама оставаясь сзади, как подобает «мужчине»...

Потом обе перешли в класс

Агринипы Яковлевны Вагановой...

В репетиционном зале меня подвели к станку:

— У этой палки, на этом месте, Уланова занималась каждый день, вплоть до окончания училища, да и потом, уже будучи актрисой. А там,

у зеркала, сидела Ваганова.

Палка отполирована до блеска...

Огромные физические на-

грузки, которые давала ученицам Ваганова, были для Галии трудны, но девушка переносила их стойко. К счастью, особую индивидуальность этой воспитанницы Агринипа Яковлевна распознала быстро («Тонкая, хрупкая, неземное создание...») и сделала все для того, чтобы пронзительный лирический талант юной балерины раскрылся в полную силу, зазвучал, подобно мощному органу.

...

И был вечер 21 октября 1928 года, когда она (профессиональная танцовщица!) дебютировала на сцене про-

славленного театра.

Спектакль прошел хорошо, в

прессе появились добрые от-

зыва, но уже тогда Уланова

...

Чудо! не съянет вода, изливаясь из урны разбитой;

Дева, над вечной струей, вечно печальна сидит.

Актрисе казалось, что в поэ-

тическом облике девушки, вечно печальной над вечной струей, можно найти те черты

«Марии нежной», которые так

трудно передать лаконичным

языком танца. «А вдруг перед мысленным взором поэта, когда он создавал свою бес-

смертную Марию, возникал именно этот чистый образ?» —

так хотелось думать, тем бо-

льее что все вокруг — изуми-

тельные парки, пруды, ис-

кусственные творения ваятелей и

зодчих прошлого — решитель-

но все помогало ощутить «без-

умную негу» сладковатых

фонтанов Бахчисарай... И по-

том, увидев этот образ, сотво-

ренный Улановой, критик пи-

сал: «Здесь были те высоты,

взять которые самый усердный

матергин, стремился создать

большие характеры... Да,

главный секрет заключался

именно в единстве художест-

венных стремлений и принци-

пов, в общности творческих

задач, а не только в том, что,

как писалось в некоторых ре-

цензиях, наш дуэт «идеален

по форме»... После отъезда

Улановой в Москву я навсегда

остался верен своей

Джульетте, и партию Ромео

танцевать не мог уже ни с кем...

...

Один из первых кадров ле-

гендарного фильма, созданного

в блокадном городе, «Ленин-

град в борьбе»: юноша и де-

вушка, взявшись за руки,

идут вдоль гранитного парапе-

та... Улыбаются... Остановились

у афиши тумбы... Крупно:

«Ромео и Джульетта», балет

Сергея Прокофьева, танец

Галины Улановой...».

В верхнем углу афиши дата:

«22 июня».

Кинооператор Ленинградской

студии кинохроники, снимая

это, еще не мог знать, что ро-

дился последний мирный кадр

и первый — военный...

В годы Великой Отечествен-

ной актриса постоянно получа-

ла подтверждение того, что ее

искусство сражавшемуся наро-

ду нужно и дорого. Приведу

лишь одно из писем с фронта:

«...Только что выбили фаши-

стов из деревни, и я нашел в

избе Вашу фотографию в роли

Одетты из «Лебединого озе-

ра». Фотография в нескольких

местах простираена, но бойцы

забрали ее себе, и, пока мы на

отдыхе, у дневального появил-

ась дополнительная обязанность:

вступая в дежурство, сменять

цветы, которые еже-

дневно ставят возле этой фо-

тографии. Ваш Алексей Доро-

гуш...

...

Вот уже четыре десятилетия,

как Галина Сергеевна — в

столице, в Большом театре СССР.

Ее искусство, взлелеянное

на невских берегах, обре-

ло здесь новое звучание, полу-

чило восторженный отклик во

всем мире.

Дважды Герой Социалистиче-

ского Труда, лауреат Ле-

нинской и Государственных

премий, народная артистка СССР.. Ее сравнивают с «Мадонной» Рафаэля, с «Весной» Боттичелли, со стихами Бло-

ка...

А сегодня состоялся акт осо-

бого признания заслуг вели-

кой балерины: в Стокгольме,

перед зданием единственного в мире Музея танца, открыт мон-

умент в честь Галины Уланово-

вой. В торжественной церемонии

приняли участие члены

королевской семьи, представи-

тели правительства Швеции и ЮНЕСКО.

Бронзовая фигура изваяна

по проекту известного мастера

Елены Александровны Янсон-

Манизер: легкое и стремитель-

ное движение, окрыление и гармоничность ноги, застывшей на носке, и — словно всплеск, волны — взметнувшееся легкое платье... Таково мгновение из «Лебединого озера», дивный арабеск, скваченный и сохра-

ненный на века скульптором..